

Wolfgang Amadeus Mozart (1756 – 1791)

MARIA YUDINA PLAYS MOZART

LIVE AND STUDIO
RECORDINGS
1947 – 1951

Moscow Conservatory
RECORDS

SOUND OF THE MOSCOW
ARCHIVES **CONSERVATORY**

INCLUDING
PREVIOUSLY UNRELEASED
RECORDINGS

Piano Sonata in C minor, KV 488 (KV 3000) - Piano Sonata in C minor, KV 488 (KV 3000)
Fantasia in D major, KV 488 (KV 3000) - Fantasia in D major, KV 488 (KV 3000)
Piano Sonata in D major, KV 284 (KV 2053) - Piano Sonata in D major, KV 284 (KV 2053)
Fantasia in D minor, KV 397 (KV 385g) - Fantasia in D minor, KV 397 (KV 385g)
Piano Sonata in C minor, KV 310 (KV 3000) - Piano Sonata in C minor, KV 310 (KV 3000)
Piano and Orchestra No. 23 in A major, KV 488 (KV 3000) - Piano and Orchestra No. 23 in A major, KV 488 (KV 3000)
Piano Sonata in C minor, KV 457 - Piano Sonata in C minor, KV 457
Fantasia in D minor, KV 488 (KV 3000) - Fantasia in D minor, KV 488 (KV 3000)
Piano Sonata in A major, KV 488 (KV 3000) - Piano Sonata in A major, KV 488 (KV 3000)
Piano Sonata in A minor, KV 331 (KV 3000) - Piano Sonata in A minor, KV 331 (KV 3000)
Sonata for Violin and Piano, KV 475 - Sonata for Violin and Piano, KV 475

SMC CD 0242-0243
ADD/MONO
TT: 145.00

Wolfgang Amadeus Mozart (1756 – 1791)

CD 1 [76.18]

Piano Sonata in C minor, KV 457

[1]	1. Allegro	6.38
[2]	2. Adagio	5.55
[3]	3. Molto allegro	4.30

Piano Sonata in D major, KV 284 (KV 205b)*

[4]	1. Allegro	6.03
[5]	2. Rondeau en Polonaise. Andante	3.26
[6]	3. Tema con variazioni	12.56

Piano Sonata in A minor, KV 310 (KV 300d)

[7]	1. Allegro maestoso	6.58
[8]	2. Andante cantabile con espressione	8.01
[9]	3. Presto	2.44

Piano Sonata in A major, KV 331 (KV 300i)

[10]	1. Tema con variazioni: Andante grazioso	10.43
[11]	2. Menuetto	5.12
[12]	3. Alla Turca: Allegretto	3.08

CD 2 [68.42]

[1]	Fantasia in D minor, KV 397 (KV 385g)	5.42
[2]	Fantasia in C minor, KV 475	10.42

Sonata for Violin and Piano in A major, KV 526*

[3]	1. Molto allegro	8.16
[4]	2. Andante	14.17
[5]	3. Presto	6.26

Concerto for Piano and Orchestra No. 23 in A major, KV 488

[6]	1. Allegro	9.49
[7]	2. Adagio	6.55
[8]	3. Allegro assai	6.33

Maria Yudina, piano

Marina Kozolupova, violin (CD 2: [3]-[5])

The USSR Symphony Orchestra (CD 2: [6]-[8])

Conductor Alexander Gauk (CD 2: [6]-[8])

*Previously unreleased recordings

Live at the Small Hall of the Moscow Tchaikovsky conservatory

October 6, 1951 (CD 1: [1]-[12]; CD 2: [1],[2]),

October 13, 1951 (CD 2: [3]-[5])

Studio recording in Moscow, July 9, 1947 (CD 2: [6]-[8])

Restoration and mastering: Elena Sych

Design: Maxim Kompaneets

Translation: Elizaveta Miller

Executive producer: Eugene Platonov

“Only in Mozart is there a refuge from the storms...”

Pavel Florensky

Each time I listen to Maria Yudina playing, her interpretation comes as a revelation that it is impossible to get used to. The impression she gives me is as fresh and lively as her own deep immersion in the music she performs. This force of the impact on the audience comes from Yudina’s strong belief that she is only the mediator of Divine Truth captured in sound by the genius composer. This idea has penetrated her from the early years. Still a young girl, Maria wrote in her diary: “I know only one way to God: through art, (...) through one of its branches in particular – Music”.

I have been equally stricken by Yudina’s interpretation of Schumann’s Fantasia and Kreisleriana and by her rendition of Mozart’s four Sonatas and two Fantasias. These two recordings that I have not heard for many years were made in 1951 in the Small Hall of the Moscow Conservatory. One could expect to hear a “completely different” Yudina in Mozart and in Schumann. However, this doesn’t happen! Yudina remains the same, the scale, the force, the impulsiveness, the intransigence of her musical thought is unchanged...

Yudina did not attempt to achieve a “correct” interpretation of Mozart, one that would correspond to the conception of historical accuracy and style. “Accuracy doesn’t guarantee the vitality of a work of art, and sometimes even hinders it”- writes Yudina in her article “Thoughts about musical performance”. She goes on: “A professed subjectivity of thought confirms the plurality of reality, whereas the pursuit of an objectively “correct” interpretation is metaphysical, not alive”.

Plurality of reality! – this is indeed a key to understanding such a great artist as Yudina was!

Mozart’s music incites Yudina to use a particular touché, very light and precise, that allows an infinite variety of colour, feeling and meaning. One recalls her idea that there is an optimal point on the fingertip that has to strike an optimal point on the piano key in order to achieve the optimal sound. “Then and only then will the Divine thought speak through a musician’s hands” – she wrote. When Yudina touches the piano, she gives birth to a magic world, full of radiant overtones, of pure, light sound, of flexible time and pulse, that is inherent to Mozart. Here we can hear this Divine thought, we reach this “golden paradise lost by humanity”, of which Florensky writes in his letter to Yudina. “Only in Mozart is there a refuge from the storms” – he continues.

This CD is a live recording of a Mozart recital in the Small Hall of the Moscow Conservatory on October 6th 1951.

Yudina opened the concert with the Sonata in C minor, KV 457. Her interpretation recalls Hermann Abert’s characteristic: “The fatality in this sonata does not bend to pleading or resistance.” The heroic pathos, the constant anxiety with which this music flies to its end isn’t disturbed by the finest details, the imploring pleas of the intimate statement. Nothing can break the strong feeling of unity that this sonata conveys.

One of the common traits of these 1951 recordings (both Schumann and Mozart) are the unexpectedly fast tempi – an urge to rush forward in all movements. It can even come by as shocking, at first, but the next moment we are conquered by Yudina’s conviction and only admiration remains.

This is exactly what happens when we listen to the Sonata in D Major, KV 284. The tempo! The obsession with movement! And at the same time, a striking, almost impossible, clarity and finesse in the line of the 16th notes. The Alberti basses, the “accompaniment”, acquire a special meaning. Their active, clear pulse conveys a new character to the themes. The 2nd movement also sounds a little faster than would be expected. In the 3rd movement, the variations, one of Yudina’s favourite genres, the audience can fully appreciate the infinite fantasy of the pianist. One could imagine to be holding a magic ball that changes colour and pattern at each different angle.

The Sonata in A minor, KV 310 strikes us, from the first bars, with an exceptional energy, an impetuous, unbending tempo, a truly symphonic scale. The chords in the left hand play an unexpectedly important role: their insistent, highly emotional pulse draws our attention even more than the theme of the right hand. The storm of the first *Allegro* gives place to a flexible, luminous and light *Andante*. The anxiety and agitation come back in the Finale. The pianist seems to be drawn, inexorably, into this unrelenting turmoil. A short moment of peace, the A major pastoral episode, gives way to obsessive movement.

The Sonata in A Major, KV 331 transports us into a totally different world. Here all is light and air, we are captured by the finesse of nuances and touché and by an unbelievable mindfulness and carefulness of interpretation. Yudina’s Finale, the famous Rondo alla Turca, sounds gentle and easy, almost child-like.

The 1951 concert ended with the two famous Fantasias – in D minor, KV 397 and in C minor, KV 475. They open the second CD.

In Yudina’s interpretation the Fantasia in D minor becomes a “monumental

dramatic Mass for piano, close in spirit to the Requiem, composed in the same key”. These words of the composer Sergey Slonimsky describe very well her reading of this piece and the idea that inspired her. Yudina’s students recall the “synopsis” of this Fantasia that she shared with them. “The introduction has to be dark, dimly lit, static. The high vaults of a gothic cathedral, the stained glass windows, a mystic atmosphere that inspires reverence... In the corner, in the dark, the shape of a woman is kneeling in prayer before the Crucifixion. (...) Then come the bars of deepest grief, the tears of anguish. And now – a ray of the sun that shines through the stained glass and lights up the cathedral. The face that turns to the sunlight is still covered in tears, but it shines already with an inner joy, it responds to the sun with a weak smile, it returns to life”.

However, when we listen to Yudina’s vision of the Fantasia, we realise that Music can not be limited to the fixed sense of words, its variety of meaning is so much richer and more eloquent.

This semantic infinity is most tangible in Yudina’s interpretation the Fantasia in C minor. The imagination of the artist flies freely, following the improvisatory, unpredictable form. Mozart is here a pioneer, a romantic, which allows Yudina to treat melody with a chopinesque approach, to use rubato and pedal in a romantic way. Her dynamic palette is extremely rich, extending from the subtlest pianissimo to the passion of an orchestral tutti (in the Allegro). Without any doubt, Beethoven’s spirit dwells in this Fantasia. The last passages, bold and bright, anticipate Beethoven’s Third concerto.

I believe that here lies Yudina’s artistic credo: “Great Art is eternal, unending and inevitably projects into the Future”.

The next tracks prepare a rare gift for the listener: the Violin Sonata KV 526 in A Major with Maria Kozolupova. In a letter to her close friend Vladimir Lublinsky Yudina mentions a studio recording of this sonata, made soon after a live performance in the Small Hall on the 13th of October 1951. Alas, the recording did not pass the approval committee under the leadership of Alexander Goldenweiser. With her usual bitter sense of humour Yudina writes: "...Goldenweiser's gang voted down our ideal recording of Mozart's sonata with Kozolupova. Instead of 4,5 {thousand} we only got 700 rubles each... how many plans did we have for this money!... well, this is all forgotten now...". This recording was thought to have been lost until, most recently, Alexei Lubimov discovered it in the archives of the Minsk radio. I shared the news with Margarita Grossman, a close friend of Maria Yudina, an excellent violinist who played in the best orchestras and also worked in Yudina's chamber music class. Margarita recalled immediately having played this sonata in Yudina's class and quoted her words on the finale: "Don't forget! Mozart was an opera composer. All the themes here belong to different operatic characters, try to feel it! This is a fool's theme! Try to play it this way".

The second CD finishes with the well-known, legendary recording of the Piano Concerto No. 23 in A Major, KV 488, recognised as one of Yudina's chefs-d'oeuvres.

Marina Drozdova

«Только в Моцарте защита от бурь...»

Павел Флоренский

Всякий раз, когда я слушаю Марию Вениаминовну Юдину, для меня многое в её исполнении оказывается новым, и я осознаю, что привыкнуть к услышанным откровениям невозможно. Свежесть моего восприятия прямо пропорциональна глубине погружения артистки в исполняемую музыку, степени её слияния с ней, горячей убеждённости в том, что она – лишь проводник божественной истины, познанной и выраженной в звуках гениальным композитором. Ведь ей уже знаком этот путь: ещё в ранней юности Маруся записала в своём дневнике: «Я знаю лишь один путь к Богу: через искусство, ... через одну ветвь его – музыку».

Вот только что меня поразили давно не слышанные, почти забытые юдинские интерпретации Фантазии и «Крейслерианы» Шумана. А сейчас точно так же удивили и пленили хорошо мне известные записи четырёх Сонат и двух Фантазий Моцарта, сделанные в том же 1951 году в Малом зале Московской консерватории! Вполне естественно было бы ожидать, что следующей моей фразой будет: «Здесь, в Моцарте, перед нами совершенно другая Юдина...» и т.д. Но – нет! Юдина осталась прежней, такой же, как в великом романтике Шумане! Тот же масштаб, бурный порыв, та же стремительность, бескомпромиссность, даже обречённость...

Юдина не стремилась создать «правильного» Моцарта, условно соответствующего сумме представлений о его исторической эпохе. ««Правильность» вовсе не обеспечивает жизненности творения, а часто противоречит ей, – развивает Юдина идею П.А. Флоренского в своей статье «Мысли о музыкальном исполнительстве». – Мнимая субъективность мышления утверждает реальную множественность действительности, в то время как стремление к единственно возможной, «правильной» трактовке – сугубо мертвенно, метафизично». Множественность действительности! – вот где ключ к пониманию творчества таких неординарных художников, каким была Юдина!

Музыка Моцарта вызывает у Юдиной потребность в совершенно особом прикосновении к инструменту, лёгком и точном, рождающем бесконечное количество тончайших оттенков смыслов, градаций красок и состояний. Вспоминаются её слова о том, что в кончике пальца есть некая оптимальная точка, которая при соприкосновении с такой же единственной точкой на клавише рождает искомое звучание. «Только тогда и будет говорить через руки музыканта Высшее начало», - писала она. Когда Юдина прикасается к роялю, начинается волшебство звукописи, возникают обертоны, формирующие именно моцартовское звуковое пространство, полное чистых, светлых, мерцающих звучаний, пространство, в котором пульсируют гибкие, пластичные темпо-ритмы! И мы ощущаем это Высшее начало, мы попадаем в «золотой, утерянный человечеством рай», о котором писал Флоренский в письме к Юдиной. «Только в Моцарте защита от бурь», - добавлял он. В её интерпретациях вся жизнь Гения (и композитора, и исполнителя), с личными трагедиями, снедающим чувством одиночества, а в часы творчества способного подниматься в беспредельные выси горних миров.

На диске представлена запись с концерта в Малом зале Московской консерватории, который состоялся 6 октября 1951 года и был посвящён фортепианным сочинениям Моцарта.

Открывшая программу Соната до минор, KV 457 звучит у Юдиной как некий монолит, в котором и тончайшие детали интерпретации, пронзительные интонации мольбы, неистребимая потребность в сокровенных высказываниях не нарушают ощущения целого. Господствуют драматический накал, героический пафос и постоянная тревога. Вся музыка с какой-то обречённостью несётся к концу. Юдинское прочтение этой Сонаты отвечает характеристике, которую дал сочинению Герман Аберт: «Фатальный мир этой сонаты не уступает ни мольбе, ни сопротивлению».

...Анализируя юдинские записи 1951 года (Шуман, Моцарт), нельзя не отметить одну общую особенность: потребность исполнительницы в неожиданно быстрых, стремительных темпах – вне зависимости от общего смыслового контекста.

В первое мгновение это может даже шокировать, но уже в следующую секунду, порожённые юдинской убеждённостью в своей правоте, мы с восхищением внимаем.

Именно это происходит с нами, когда мы слушаем Сонату Ре мажор, KV 284. Темп! Одержимость движением! Поражает неправдоподобная – при таком темпе – изысканная ясность и тонкость интонирования шестнадцатых! Особое значение приобретает «аккомпанемент» – альтертиевы басы! Их активная, динамичная пульсация придаёт темам новые оттенки смыслов. Чуть быстрее, чем можно ожидать, звучит и 2-я часть. 3-я часть написана в форме вариаций – жанре, особенно любимом пианисткой. Здесь её художественная фантазия поистине не имеет предела. Кажется, что у нас в руках волшебный шар, в котором при малейшем повороте возникают всё новые, прихотливые, разнообразно окрашенные узоры.

Соната ля минор, KV 310 с первых же тактов ошеломляет необычайным напором, стремительным, непререкаемым темпом, подлинно симфоническим размахом. И здесь неожиданная роль отводится «сопровождению» – аккордам в левой руке: их настойчивая, подчёркнуто эмоциональная пульсация ставит их едва ли не в один смысловой ряд с темой! Музыка первой части пронесётся перед нами, словно вихрь, оставляя смятение в душе, которое рассеивается при звуках светлой, пластичной, незамутнённой второй части. Дух смятения возвращается в Финале. Складывается ощущение, что исполнитель не принадлежит себе, находясь во власти этой мятущейся неуспокоенности, отдаваясь стихийно возникшему бешеному темпу. Мгновенная остановка – очаровательная, серебристо звучащая ля-мажорная «пастораль» – и вновь одержимость движением.

Совсем в иной мир мы попадаем, слушая Сонату Ля мажор, KV 331. Здесь всё соткано из света и воздуха, слух пленяет тончайшая игра красок и редкая бережность исполнения. По-детски просто, легко и непринуждённо играет Юдина и Финал этой Сонаты, знаменитое Рондо alla turca.

В завершении программы прозвучали обе Фантазии – ре минор, KV 397 и до минор, KV 475. Ими начинается второй диск.

Ре-минорная Фантазия звучит у Юдиной как «монументальная драматическая месса для фортепиано, близкая по духу моцартовскому «Реквиему», написанному в той же тональности». Эти прекрасные слова композитора Сергея Слонимского на редкость точно характеризуют юдинскую интерпретацию и совпадают с тем образом, который вдохновлял саму исполнительницу. Известно, что Мария Вениаминовна делилась с учениками своего рода программой этого сочинения. Она говорила: «Вступление должно быть мрачным, тускло освещённым, статичным. Высокие своды готического храма, цветные витражи, сумрак, мистическая атмосфера, вызывающая трепет. В темноте, в углу, перед Распятием склонилась скорбная женская фигура. (...) Далее – такты глубочайшей тоски и скорби. Вот слёзы, льющиеся из глаз. А вот – солнечный луч, блеснувший сквоззь цветные стекла и осветивший тёмные своды храма. Женское лицо, обернувшееся к солнечному лучу, залито слезами, но оно уже светится радостью, оно отвечает слабой улыбкой солнцу, оно воспряло к жизни».

...И всё-таки, как ни прекрасно юдинское видение Фантазии, когда слушаешь её исполнение, особенно ясно понимаешь, что Музыка не может сравниться в стойкости значений со словами, её смысловая вариантность намного богаче и звучит для нас красноречивее всяких слов.

Именно эту беспредельность нельзя не ощутить в юдинском исполнении до-минорной Фантазии! Творческое воображение свободно парит, побуждаемое импровизационной, непредсказуемой формой сочинения. Здесь Моцарт – новатор, Моцарт – романтик, что позволяет Юдиной использовать и *rubato*, и почти шопеновское интонирование мелодии, и романтическую педаль. Удивительно динамическое богатство её звуковой палитры: от тончайшего *pianissimo* до страстных порывов оркестрового *tutti* (в *Allegro*). Несомненно – дух Бетховена реет над Фантазией! Подтверждение этому – заключительные, стремительно взлетающие вверх до-минорные пассажи, предсказывающие Третий фортепианный концерт Бетховена, звучащие у Юдиной ярко и дерзко – как стрелы, пушенные в будущее.

Думаю, в этом и заключалось исполнительское *Credo* Марии Вениаминовны Юдиной. Достаточно вспомнить ее слова: «Великое искусство Вечно, неизменно и неизбежно даёт проекцию в Будущее».

Слушателей предлагаемых дисков ожидает редкий подарок: запись исполнения Юдиной и Мариной Козолуповой скрипичной Сонаты Моцарта № 17 Ля мажор, KV 526. О том, что Соната, прозвучавшая в совместном концерте музыкантов 13 октября 1951 года в том же Малом зале консерватории, была ими вскоре записана, мы узнаём из письма Юдиной своему близкому другу В.С. Люблинскому от 1 ноября того же года. Увы! Запись не прошла приёмную комиссию, которую возглавлял тогда А.Б. Гольденвейзер. Со свойственным ей юмором, окрашенным каплей печали, Юдина пишет: «... Гольденвейзеровская шайка провалила нашу с Козолупиной наконец состоявшуюся идеальную (выделено мной – М.Д.) запись сонаты Моцарта и вместо 4 ½ мы получили по 700 р... на них столько было построено планов... Ну, я уже забыла об этом...». Следы записи до недавнего времени считались потерянными. Её обнаружил Алексей Любимов в фонотеке Минского (!!!) радио. Я не могла не поделиться этой радостью с Маргаритой Гроссман, близким другом Марии Вениаминовны, замечательной скрипачкой, игравшей в лучших наших оркестрах и параллельно, с 1952 года работавшей иллюстратором в классе Юдиной. Ни секунды не задумываясь, так, как будто это было вчера, Маргарита сказала мне: «О, да, я как раз тогда играла эту Сонату! Ясно помню, как Мария Вениаминовна говорила нам в связи с Финалом: «Не забывайте! Моцарт ведь был оперным композитором. Здесь все темы характеризуют разных оперных персонажей, старайтесь почувствовать это... А вот эта тема – это дурак! Вот так и играйте...»

Завершает диск хорошо известная, можно сказать, легендарная, запись Концерта № 23 Ля мажор, KV 488. Это – признанный шедевр не только Юдинской Моцартианы, но и всего её исполнительского искусства.

М.А. Дроздова

Вольфганг Амадей Моцарт (1756 – 1791)

SMC CD 0242-0243
ADD/MONO
TT: 145.00

CD 1 [76.18]

Соната для фортепиано до минор, KV 457

1	1. Allegro	6.38
2	2. Adagio	5.55
3	3. Molto allegro	4.30

Соната для фортепиано Ре мажор, KV 284 (KV 205b)*

4	1. Allegro	6.03
5	2. Rondeau en Polonaise. Andante	3.26
6	3. Tema con variazioni	12.56

Соната для фортепиано ля минор, KV 310 (KV 300d)

7	1. Allegro maestoso	6.58
8	2. Andante cantabile con espressione	8.01
9	3. Presto	2.44

Соната для фортепиано Ля мажор, KV 331 (KV 300i)

10	1. Tema con variazioni: Andante grazioso	10.43
11	2. Menuetto	5.12
12	3. Alla Turca: Allegretto	3.08

CD 2 [68.42]

1 Фантазия ре минор, KV 397 (KV 385g) 5.42

2 Фантазия до минор, KV 475 10.42

Соната для скрипки и фортепиано Ля мажор, KV 526*

3	1. Molto allegro	8.16
4	2. Andante	14.17
5	3. Presto	6.26

Концерт № 23 для фортепиано с оркестром Ля мажор, KV 488

6	1. Allegro	9.49
7	2. Adagio	6.55
8	3. Allegro assai	6.33

Мария Юдина, фортепиано

Марина Козолупова, скрипка (CD 2: [3]–[5])

Государственный симфонический оркестр СССР (CD 2: [6]–[8])

Дирижёр Александр Гаук (CD 2: [6]–[8])

*Ранее не издававшиеся записи

Запись с концертов в Малом зале Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского 6 октября 1951 года (CD 1: [1]–[12]; CD 2: [1], [2]), 13 октября 1951 года (CD 2: [3]–[5])

Студийная запись в Москве, 9 июля 1947 года (CD 2: [6]–[8])

Реставрация и мастеринг: Елена Сыч

Дизайн: Максим Компанец

Перевод: Елизавета Миллер

Исполнительный продюсер: Евгений Платонов

© & © 2019 Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского.
Все права защищены